

THE natural scenery of America has often been contrasted, in its general features as well as in detail, with the landscape of the Old World — more especially of Europe — and not deeper has been the enthusiasm, than wide the dissension, of the supporters of each region.

The discussion is one not likely to be soon closed, for, although much has been said on both sides, a word more yet remains to be said.

The most conspicuous of the British tourists who have attempted a comparison, seem to regard our northern and eastern seaboard, comparatively speaking, as all of America, at least, as all of the United States, worthy consideration.

They say little, because they have seen less, of the gorgeous interior scenery of some of our western and southern districts — of the vast valley of Louisiana, for example, — a realization of the wildest dreams of paradise.

For the most part, these travellers content themselves with a hasty inspection of the natural lions of the land — the Hudson, Niagara, the Catskills, Harper's Ferry, the lakes of New York, the Ohio, the prairies, and the Mississippi.

These, indeed, are objects well worthy the contemplation even of him who has just clambered by the castellated Rhine, or roamed

"By the blue rushing of the arrowy Rhone"

but these are not all of which we can boast; and, indeed, I will be so hardy as to assert that there are innumerable quiet, obscure, and scarcely explored nooks, within the limits of the United States,

that, by the true artist, or cultivated lover of the grand and beautiful amid the works of God, will be preferred to each and to all of the chronicled and better accredited scenes to which I have referred.

In fact, the real Edens of the land lie far away from the track of our own most deliberate tourists — how

Природу Америки часто противопоставляют, и в общем и в частности, пейзажам Старого Света, особенно Европы; причем и та и другие имеют своих приверженцев, столь же восторженных, сколь несогласных между собой.

Спор этот едва ли скоро окончится, ибо, хотя многое уже сказано обеими сторонами, кое-что остается еще добавить.

Наиболее известные из английских путешественников, пытавшихся проводить такое сравнение, очевидно принимают наше северное и восточное побережье за всю Америку или, по крайней мере, за все Соединенные Штаты, заслуживающие внимания.

Они почти не упоминают — ибо еще меньше знают — великолепную природу некоторых внутренних областей нашего Запада и Юга, например, обширной долины Луизианы, этого истинного воплощения самых смелых видений рая.

Эти путешественники по большей части довольствуются беглым осмотром лишь самых очевидных достопримечательностей страны — Гудзона, Ниагары, Кэтскиллских гор, Харперс-Ферри, озер Нью-Йорка, реки Огайо, прерий и Миссисипи.

Все это, разумеется, весьма достойно внимания даже того, кто только что взбирался к рейнским замкам или бродил там,

"где мчится Рона, лазурная, подобная стреле"

Однако это еще не все, чем мы можем похвастаться; и я даже осмеливаюсь утверждать, что в пределах Соединенных Штатов имеются бесчисленные уединенные и почти не исследованные места,

которые подлинный художник или просвещенный любитель величавых и прекрасных творений Всевышнего предпочтет всем и каждому из упомянутых мною давно описанных и широко известных пейзажей.

В самом деле, подлинные райские кущи страны находятся вдали от маршрутов даже наиболее неторопливых из наших

very far, then, beyond the reach of the foreigner,

who, having made with his publisher at home arrangements for a certain amount of comment upon America, to be furnished in a stipulated period,

can hope to fulfil his agreement in no other manner than by steaming it, memorandum-book in hand, through only the most beaten thoroughfares of the country!

I mentioned, just above, the valley of Louisiana. Of all extensive areas of natural loveliness, this is perhaps the most lovely.

No fiction has approached it. The most gorgeous imagination might derive suggestions from its exuberant beauty.

And beauty is, indeed, its sole character. It has little, or rather nothing, of the sublime.

Gentle undulations of soil, interwreathed with fantastic crystallic streams, banked by flowery slopes, and backed by a forest vegetation, gigantic, glossy, multicoloured, sparkling with gay birds and burthened with perfume,

— these features make up, in the vale of Louisiana, the most voluptuous natural scenery upon earth.

But, even of this delicious region, the sweeter portions are reached only by bypaths.

Indeed, in America generally, the traveller who would behold the finest landscapes, must seek them not by the railroad, nor by the steamboat, nor by the stage-coach, nor in his private carriage, nor yet even on horseback — but on foot.

He must walk, he must leap ravines, he must risk his neck among precipices, or he must leave unseen the truest, the richest, and most unspeakable glories of the land.

Now in the greater portion of Europe no such necessity exists. In England it exists not at all.

путешественников — и тем более недоступны они иностранцу,

который, взявшись доставить своему издателю известное количество страниц американских заметок к известному сроку,

может надеяться выполнить свои обязательства, не иначе как проехав поездом или пароходом с записной книжкой в руках лишь по самым проторенным путям!

Я только что упомянул долину Луизианы. Из всех красивых местностей это, быть может, самая прекрасная.

Никакой вымысел не сможет с нею сравниться. Самое богатое воображение сумеет нечто почерпнуть из ее пышной красоты.

Ибо именно красота является ее определяющим признаком. Величавого там почти или вовсе нет.

Пологие холмы, пересеченные причудливыми прозрачными ручьями, которые текут то среди усеянных цветами лугов, то среди лесов с огромными, пышными деревьями, населенных яркими птицами и напоенных ароматами,

— все это превращает долину Луизианы в самый сладостный и роскошный на свете ландшафт.

Но и в этой прелестной местности лучшие уголки доступны одному лишь пешему путнику.

Вообще в Америке путешественник, ищущий наиболее красивых пейзажей, должен добираться к ним не поездом, не пароходом, не дилижансом, не в собственной карете и даже не верхом — но только пешком.

Он должен идти, перепрыгивать через расселины, преодолевать пропасти, рискуя сломать себе шею, — иначе он не увидит подлинного, недоступного словам великолепия нашей страны.

В большей части Европы в этом нет необходимости. В Англии ее не существует вовсе.

The merest dandy of a tourist may there visit every nook worth visiting without detriment to his silk stockings ; so thoroughly known are all points of interest, and so well-arranged are the means of attaining them.

This consideration has never been allowed its due weight, in comparisons of the natural scenery of the Old and New Worlds.

The entire loveliness of the former is collated with only the most noted, and with by no means the most eminent items in the general loveliness of the latter.

River scenery has, unquestionably, within itself, all the main elements of beauty, and, time out of mind, has been the favourite theme of the poet.

But much of this fame is attributable to the predominance of travel in fluvial over that in mountainous districts.

In the same way, large rivers, because usually highways, have, in all countries, absorbed an undue share of admiration.

They are more observed, and, consequently, made more the subject of discourse, than less important, but often more interesting streams.

A singular exemplification of my remarks upon this head may be found in the Wissahiccon, a brook, (for more it can scarcely be called,) which empties itself into the Schuylkill, about six miles westward of Philadelphia.

Now the Wissahiccon is of so remarkable a loveliness that, were it flowing in England, it would be the theme of every bard, and the common topic of every tongue,

if, indeed, its banks were not parcelled off in lots, at an exorbitant price, as building-sites for the villas of the opulent.

Yet it is only within a very few years that any one has more than heard of the Wissahiccon,

while the broader and more navigable water into which it flows, has been long celebrated as one of the finest specimens of American river scenery.

Самый франтоватый путешественник может там посетить любую заслуживающую внимания местность без ущерба для своих шелковых чулок, настолько хорошо известны все места, представляющие интерес, и настолько удобны ведущие туда дороги.

Это обстоятельство никогда достаточно не учитывалось при сравнении природы Старого и Нового Света.

Все красоты первого сравниваются лишь с наиболее прославленными и отнюдь не самыми примечательными из красот второго.

Речные пейзажи бесспорно обладают всеми основными чертами прекрасного и с незапамятных времен принадлежат к излюбленным темам поэтов.

А между тем слава их в значительной степени объясняется легкостью речных путешествий — по сравнению с путешествием в горах.

Точно так же большим рекам, обычно являющимся главными путями сообщения, всюду незаслуженно достается львиная доля восхищения.

Их чаще видят и, следовательно, чаще о них говорят, чем о менее крупных, но зачастую более интересных реках.

Разительным примером может служить Виссахикон — ручей (ибо рекой его, пожалуй, не назовешь), впадающий в реку Скул-кил примерно в шести милях к западу от Филадельфии.

Виссахикон отличается такой красотой, что, если бы он протекал в Англии, его воспевали бы все барды и расхваливали все языки.

Но скорее всего его берега были бы разбиты на баснословно дорогие участки, а затем застроены виллами богачей.

А между тем всего лишь несколько лет назад Виссахикон был известен разве только понаслышке,

хотя более крупная и судоходная река, в которую он впадает, уже давно славится как одна из красивейших рек Америки.

The Schuylkill, whose beauties have been much exaggerated, and whose banks, at least in the neighborhood of Philadelphia, are marshy like those of the Delaware,

is not at all comparable, as an object of picturesque interest, with the more humble and less notorious rivulet of which we speak.

It was not until Fanny Kemble, in her droll book about the United States, pointed out to the Philadelphians the rare loveliness of a stream which lay at their own doors, that this loveliness was more than suspected by a few adventurous pedestrians of the vicinity.

But, the "Journal" having opened all eyes, the Wissahiccon, to a certain extent, rolled at once into notoriety.

I say "to a certain extent," for, in fact, the true beauty of the stream lies far above the route of the Philadelphian picturesque-hunters,

who rarely proceed farther than a mile or two above the mouth of the rivulet — for the very excellent reason that here the carriage-road stops.

I would advise the adventurer who would behold its finest points to take the Ridge Road, running westwardly from the city, and, having reached the second lane beyond the sixth milestone, to follow this lane to its termination.

He will thus strike the Wissahiccon, at one of its best reaches, and, in a skiff, or by clambering along its banks, he can go up or down the stream, as best suits his fancy, and in either direction will meet his reward.

I have already said, or should have said, that the brook is narrow.

Its banks are generally, indeed almost universally, precipitous, and consist of high hills, clothed with noble shrubbery near the water, and crowned at a greater elevation, with some of the most magnificent forest trees of America, among which stands conspicuous the *liriodendron tulipiferum*.

Скулкил, чьи красоты сильно преувеличены, а берега — по крайней мере в окрестностях Филадельфии — болотисты, как и берега Делавэра,

не может сравниться по живописности с более скромной и менее известной речушкой, о которой идет речь.

Только после того как Фанни Кембл в своей забавной книжке о Соединенных Штатах указала жителям Филадельфии на редкую красоту ручья, протекающего у самых их порогов, наиболее отважные из местных любителей прогулок познакомились с этой красотой воочию.

«Дневник» открыл всем глаза, и для Виссахикона началась некоторая известность.

Я говорю «некоторая», ибо подлинную его прелесть следует искать там, куда не доходит маршрут филадельфийских охотников за красотами природы,

которые редко отдаляются более чем на милю-другую от устья — по той простой причине, что там кончается проезжая дорога.

Я посоветовал бы отважному путнику, который делает полюбоваться лучшими видами, идти по Ридж Роуд, выходящей из города в западном направлении, а после шестой мили свернуть на вторую просеку и следовать по ней до конца.

Он увидит тогда один из красивейших изгибов Виссахикона; пробираясь вдоль берега или же по воде в лодке, он сможет спуститься или подняться по течению, как ему вздумается, и в любом случае будет вознагражден за свои труды.

Я уже говорил, или мне следовало бы сказать, что речка эта — узкая.

Берега ее почти всюду круты, ибо она течет среди высоких холмов, ближе к воде поросших чудесным кустарником, а выше — некоторыми из красивейших пород американских деревьев, среди которых выделяется *Liriodendron Tulipiferum*.

The immediate shores, however, are of granite, sharply defined or moss-covered, against which the pellucid water lolls in its gentle flow, as the blue waves of the Mediterranean upon the steps of her palaces of marble.

Occasionally in front of the cliffs, extends a small definite plateau of richly herbage land, affording the most picturesque position for a cottage and garden which the richest imagination could conceive.

The windings of the stream are many and abrupt, as is usually the case where banks are precipitous, and thus the impression conveyed to the voyager's eye, as he proceeds, is that of an endless succession of infinitely varied small lakes, or, more properly speaking, tarns.

The Wissahiccon, however, should be visited, not like "fair Melrose", by moonlight, or even in cloudy weather, but amid the blightest glare of a noontday sun;

for the narrowness of the gorge through which it flows, the height of the hills on either hand, and the density of the foliage, conspire to produce a gloominess, if not an absolute dreariness of effect, which, unless relieved by a bright general light, detracts from the mere beauty of the scene.

Not long ago I visited the stream by the route described, and spent the better part of a sultry day in floating in a skiff upon its bosom.

"The heat gradually overcame me, and, resigning myself to the influence of the scenes and of the weather, and of the gently moving current, I sank into a half slumber, during which my imagination revelled in visions of the Wissahiccon of ancient days — of the "good old days"

when the Demon of the Engine was not, when picnics were undreamed of, when "water privileges" were neither bought nor sold, and when the red man trod alone, with the elk, upon the ridges that now towered above.

And, while gradually these conceits took possession of my mind, the lazy brook had borne me, inch by inch, around one promontory and within full view of another that bounded the prospect at the distance of forty or fifty yards.

It was a steep rocky cliff, abutting far into the

Она струится между гранитных берегов, одетых мхом, и прозрачная вода в своем задумчивом течении плещет о них, как плещут синие волны Средиземного моря о мраморные ступени дворцов.

Кое-где в тени утесов приютились небольшие площадки, поросшие сочной травой, — самое живописное место для домика с садом, какое только может представиться прихотливому воображению.

Речка изобилует крутыми излучинами, как обычно бывает при отвесных берегах, так что взору путника открывается бесконечная череда разнообразнейших маленьких озер или, вернее, озерков.

Но Виссахикон следует посещать не при свете луны, как Мелрозское аббатство, и даже не в облачную погоду, а при ярком полуденном солнце;

ибо узкая лощина, где он протекает, высокие холмы, окружающие его, и густая листва создают сумрачный, почти угрюмый колорит, от которого его красота несколько проигрывает, когда не освещена достаточно ярким светом.

Недавно я отправился туда описанным выше путем и провел в лодке большую часть жаркого дня.

Утомленный зноем, я доверился медленному течению и погрузился в некий полусон, унесший меня к Виссахикону давно минувших дней — того «доброе старого времени»,

когда еще не было Демона Машин, когда пикники были неведомы, «водные угодья» не покупались и не продавались и когда по этим холмам ступали лишь лоси да индейцы.

Пока эти грезы постепенно овладевали мною, ленивый ручей успел пронести меня вокруг одного мыса, а за ним, в каких-нибудь сорока или пятидесяти ярдах, показался второй.

Это был отвесный утес, далеко вдававшийся в

stream, and presenting much more of the Salvator character than any portion of the shore hitherto passed.

What I saw upon this cliff, although surely an object of very extraordinary nature, the place and season considered, at first neither startled nor amazed me — so thoroughly and appropriately did it chime in with the half-slumberous fancies that enwrapped me.

I saw, or dreamed that I saw, standing upon the extreme verge of the precipice, with neck outstretched, with ears erect, and the whole attitude indicative of profound and melancholy inquisitiveness, one of the oldest and boldest of those identical elks which had been coupled with the red men of my vision.

I say that, for a few moments, this apparition neither startled nor amazed me. During this interval my whole soul was bound up in intense sympathy alone.

I fancied the elk repining, not less than wondering, at the manifest alterations for the worse, wrought upon the brook and its vicinage, even within the last few years, by the stern hand of the utilitarian.

But a slight movement of the animal's head at once dispelled the dreaminess which invested me, and aroused me to a full sense of the novelty of the adventure.

I arose upon one knee within the skiff, and, while I hesitated whether to stop my career, or let myself float nearer to the object of my wonder, I heard the words "hist!" "hist!" ejaculated quickly but cautiously, from the shrubbery overhead.

In an instant afterwards, a negro emerged from the thicket, putting aside the bushes with care, and treading stealthily.

He bore in one hand a quantity of salt, and, holding it towards the elk, gently yet steadily approached.

The noble animal, although a little fluttered, made no attempt at escape. The negro advanced, offered the salt and spoke a few words of encouragement or conciliation.

ручей и гораздо более напоминавший пейзажи Сальватора, чем все, только что прошедшее перед моими глазами.

То, что я увидел на этом утесе, хотя и было весьма необычно в таком месте и в такое время года, поначалу ничуть меня не поразило — настолько оно гармонировало с моими полусонными видениями.

На краю обрыва, — или это мне пригрезилось? — вытянув шею, насторожив уши и всем своим видом выражая глубокое и печальное любопытство, стоял один из тех старых, отважных лосей, которые только что грезились вместе с индейцами.

Я сказал, что в первые мгновения это зрелище не испугало и не удивило меня. Душа моя была полна одним лишь глубоким сочувствием.

Мне казалось, что лось не только дивится, но и сетует на те явные перемены к худшему, которые беспощадные утилитаристы принесли за последние годы на берега ручья.

Легкое движение его головы развеяло мою дремоту и заставило осознать всю необычность моего приключения.

Я приподнялся на одно колено, но, пока я решал, надо ли остановить лодку или дать ей подплыть поближе к предмету моего удивления, из кустов над моей головой послышалось быстрое и осторожное: «тсс!», «тсс!».

Мгновение спустя из чащи, осторожно раздвигая ветви и стараясь ступать бесшумно, появился негр.

На ладони у него была соль и, протягивая ее лосю, он приближался к нему медленно, но неуклонно.

Благородное животное несколько обеспокоилось, но не пыталось уйти. Негр приблизился и дал ему соль, произнося при этом какие-то успокоительные слова.

Лось переступил ногами, пригнул голову, а

Presently, the elk bowed and stamped, and then lay quietly down and was secured with a halter. Thus ended my romance of the elk.

It was a pet of great age and very domestic habits, and belonged to an English family occupying a villa in the vicinity.

затем медленно лег и дал надеть на себя узду. Тем и окончилась моя романтическая встреча с лосем.

Это был очень старый ручной зверь, собственность английской семьи, имевшей неподалеку усадьбу.